

Розовый язык алабая / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Розовый язык алабая / рассказ РОЗОВЫЙ ЯЗЫК АЛАБАЯ

Когда Евгению Николаевну спрашивали, что было в ее жизни, она вымученно, словно по прейскуранту, отвечала:

– Роли были. В кино и в театре. Особенно в БДТ у Товстоногова. Правда, всего два сезона... В кино около сорока ролей. Правда, удачных всего семь. Вру, восемь. Дочь выросла, Катя. Как-то сама по себе. Ей уже девятнадцать... Детство было счастливое. В Киеве. С отцом и матерью. Отец военный...

– Ну, а ваш курс, – подсказывала докучливая корреспондентка, – в институте театра, музыки и кино. Студенты...

– Курс, – повторяла за корреспонденткой Евгения Николаевна, – студенты. Способные ребята...

Корреспондентка выключала диктофон.

– Вы меня извините, Евгения Николаевна, но с вами невозможно разговаривать. Вы заслуженная артистка России, заслуженный деятель искусств – неужели вам нечего рассказать о своей жизни?

– Нечего, – бесстрастно отвечала Евгения Николаевна.

– Но как же так... – растерянно говорила корреспондентка.

Евгения Николаевна доставала из буфета бутылку вина, стаканы, вазочку с конфетами.

– Давайте лучше выпьем, – предлагала она. – А интервью возьмете у кого-нибудь другого. Я – персонаж довольно скучный и однообразный. Да и популярность моя, скорее, история.

Она откупоривала бутылку.

– Конфеты московские. Я знаю один магазин, где всегда есть московские конфеты...

– Можно, я включу диктофон? – спрашивала корреспондентка.

– Ради бога... Не знаю почему, обожаю московские конфеты. Большую часть жизни прожила в Питере, а конфеты люблю московские. Странно, правда?

– Да нет, почему... – теряясь, отвечала корреспондентка. –

Скажите, а ваша дочь...

– Она учится на юридическом. Сейчас все непременно хотят быть юристами... А вы давно в журналистике?

– Три года. После университета.

– Нравится?

– Как когда...

– Как когда – это про меня, верно? Да вы не смущайтесь. Давайте еще по стаканчику...

Она разливала остатки вина.

– Евгения Николаевна, вы замужем? – хмелея, спрашивала корреспондентка.

– Да.

– А ваш муж...

– Мой муж – профессор нашего института.

Потом она провожала корреспондентку до лифта, и та, остановившись в дверном проеме, запинаясь и теребя сумочку, говорила:

– Ой, Евгения Николаевна, вы такая славная! Мне у вас так понравилось. Я, как материал подготовлю, сразу же вам позвоню...

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо говорила Евгения Николаевна, прикрывая за ней дверь.

Она выходила на балкон, смотрела, как, отчаянно жестикулируя, ловит такси смешная угловатая девочка – корреспондент городской газеты.

За балконом был город, Исаакий, Петропавловская крепость. Город такой же грязный и неухоженный, как и десять, и двадцать лет назад. Такой же величественный и одинаковый. И всегда чужой...

Город, в котором негде преклонить голову. Где нет ни одного человека, кому бы она могла рассказать о своем счастье. Коротком, как раскат грома, и долгом, как дождь, который шел всю последующую жизнь...

Ей впервые захотелось рассказать о своем счастье. Совершенно чужому человеку. Например, этой девочке-корреспондентке. Для этого надо было выключить диктофон и достать из буфета еще одну бутылку вина...

Но, опомнившись, она подумала: зачем? В строгой

последовательности ее жизни было невозможно предположить встречу, изменившую ее внешне благополучную судьбу. Встречу, постоянно возвращавшую ее в тот теплый июльский вечер с его удушьем перед надвигающейся грозой, цирком Чинизелли, напротив которого она остановила машину, и привязанному к водосточной трубе, вывалившему огромный розовый язык алабаю...

Он приехал на три дня. Сказал, что в командировку. Она полагала, что они будут встречаться урывками, а он провел с ней все эти дни, был у них дома, обедал, играл с маленькой Катей в дурацкую игру «Пардон, мадам» – они бросали карты и били себя по лбу, картам, рукам, перекрикивая друг друга, кричали: «Пардон, мадам» и «ку-ка-реку», и Катерина была совершенно счастлива.

На второй день они поехали на кладбище в Комарово, долго бродили по аллеям, останавливаясь у каждого надгробия, пили на могиле Ахматовой и вернулись в город поздно вечером.

Он затащил ее в уже закрывавшийся ресторан. Их не хотели пускать, но он договорился, и они сидели в пустом зале под звон убираемой со столов посуды, пили холодное сухое вино и ели сваленные в одну тарелку остатки банкетных блюд.

Когда он рассчитывался с официантом, выпала из бумажника и легла на пол фотография. Она нагнулась, подобрала фотографию и, коротко взглянув на нее, смутилась и вернула ему.

На снятой в ателье фотографии, застыв перед камерой и напряженно прислонившись друг к другу, были запечатлены женщина лет тридцати пяти с безучастными серо-водянистыми глазами и неопределенного возраста девица с таким же отсутствующим взглядом и такими же противоестественно выразительными формами. Их сходство было настолько очевидным, что она невольно отшатнулась.

– Это моя семья. Жена и ее дочь. Акселератка четырнадцати лет...
– с глухим раздражением сказал он.

– Мне нет никакого дела до твоей семьи, – неожиданно зло сказала она и, увидев, как он потемнел лицом, накрыла ладонью его руку, раскаянно произнесла: – Прости...

Она задержала его руку чуть больше дозволенного их дружескими отношениями и, потянувшись за сигаретами, словно опомнившись,

увидела возвышающегося над столом официанта со счетом в руках. Официант молча наблюдал всю сцену с фотографией. При этом у него было такое томительно-глупое выражение лица, а глаза настолько отрешенно устремлены в пространство, что она не выдержала и рассмеялась.

– Спасибо, – сказал он официанту, что означало: сдачи не нужно.

Официант вежливо поклонился.

В день его отъезда она допоздна пробыла на озвучании и заехала за ним в гостиницу около семи вечера. До отхода поезда оставалось несколько часов, и они катались по городу в поисках места, где можно было посидеть. Притормаживая возле очередного ресторана, она спрашивала:

– Может, здесь?

– Как скажешь... – бесцельно глядя в окно, отвечал он, и они ехали дальше.

Возле цирка Чинизелли он попросил ее остановиться. Она припарковалась у огромной сваренной из металлических прутьев корзины для хранения арбузов. Корзина была выкрашена в темно-зеленый цвет и сама напоминала гигантский арбуз. Сейчас корзина пустовала.

– Если бы меня посадили в подобную резервацию, – грустно сказал он, – я был бы самым счастливым человеком на свете. Днем я наблюдал бы течение жизни, а по ночам выл на луну... И никакой сопричастности.

– Мальчишки забросали бы тебя камнями, – отстраненно произнесла она.

– Меня так и так рано или поздно забросают...

Она резко повернулась к нему, собираясь что-то возразить, и тут увидела собаку. Собака сидела у входа в магазин, вывалив шершавый розовый язык и тяжело дыша мощными ребрами. Она была огромная, палевая, с подрезанными ушами и удивительно человеческими глазами на иссеченной шрамами морде. Собака смотрела в их сторону.

– Боже, какая собака! – испуганно и одновременно восторженно произнесла она.

– Это алабай – среднеазиатская овчарка, – объяснил он. – Одна

из самых сильных собак в мире.

– А он привязан?

– Привязан. Но если он надумает освободиться, то вырвет эту трубу к чертовой матери! Со всеми ее креплениями...

– Представляю себе эту картину, – улыбнулась она, – алабай с водосточной трубой на Фонтанке... Ты знаешь, я не смогу проводить тебя до поезда, – внезапно раздражаясь, сказала она, – у мамы опять подскочило давление, и еще надо успеть в аптеку...

– Это не страшно, – перебил ее он, – высади меня у какого-нибудь метро. Я доберусь.

Она включила зажигание.

– Выключи, – попросил он.

Она покорно выключила.

Он долго напряженно молчал, и в этой неожиданно охватившей город тишине она явственно слышала свое сердце и тяжелое дыхание алабая за спиной.

Наконец он сказал:

– Ты прости, но если я этого не сделаю, то буду жалеть всю жизнь...

Повернулся к ней, обнял, прижал к себе, целуя виски, волосы, нечаянно касаясь губ.

Сколько это длилось? Минуту, две, пять? Ей показалось – вечность. Она интуитивно почувствовала, что сейчас он уберет руки, отпустит ее, и поняла, что хочет только одного: пусть это будет всегда, на всю недолгую оставшуюся жизнь. Его губы, дыхание, руки на ее плечах.

Она хотела сказать ему: милый, любимый, заberi меня. Заberi со всей моей пропащей жизнью. Я пойду за тобой куда угодно. Я буду жить только тобой, мой уставший, мой родной, мой единственный...

Он отпустил ее.

– Поехали, – сказал чужим далеким голосом.

У входа в метро, прощаясь с ним, она спросила:

– Ты будешь мне звонить?

– Конечно, – легко ответил он и, наклонившись, сдержанно поцеловал ее в щеку.

Он давно растворился в провале метро, а ее красная «семерка» одиноко стояла у обочины. Гасли витрины магазинов, редели прохожие, а она по-прежнему сидела в салоне, неподвижно облокотившись на руль, и думала о нем.

Потом завела машину и поехала в сторону дежурной аптеки за лекарством для матери.

Ей предложили небольшую роль в одном из обретающих популярность сериалов, завалили работой на дубляже. Она возвращалась поздно, стирала, готовила, отпаивала лекарствами заранее вычислявшую нашествие магнитных бурь мать, полуживая, занималась с дочерью, играла в «Пардон, мадам»...

Ей был необходим его голос. Пусть на расстоянии, за тысячу километров, всего лишь несколько дежурных фраз: «Привет! Как дела? Это я, Андрей...»

Он не звонил.

Не выдержав, она позвонила ему на службу.

– Полковник Болдырев в командировке, – лаконично ответили ей. На большее она и не рассчитывала.

Из-за болезни Катя отстала от школы. По вечерам, когда она возвращалась домой, они занимались математикой, решая чудовищно запутанные задачи, которые самой Евгении Николаевне давались с невероятным трудом. Раздражаясь и злясь от собственной беспомощности, она срывалась на дочь, ломала в бессилии карандаши, часто курила на кухне.

– Неужели ты не можешь решить этой пустяковой задачи?! – теряя выдержку, кричала она.

– Не могу, мам, – кусая губы, отвечала Катя.

В коридоре зазвонил телефон.

– Но ведь это так просто! Надо всего лишь подумать!..

– Телефон, мам, – осторожно напомнила Катя.

– Слышу, не глухая... – Она стремительно встала, опрокинула стул, прошла в коридор, по пути бросив матери:

– Конечно, кроме меня в этом доме больше никому подойти к телефону!

Резко сняла трубку, продолжая кричать матери:

– Она меня в гроб загонит своей математикой! Она математикой, а ты несуществующими болезнями!.. Слышаю вас! – отрывисто

сказала в трубку.

– Евгения Николаевна?

– Да, я, – привычной скороговоркой ответила она.

– Подполковник Кузнецов из Москвы... Евгения Николаевна... Тут такое дело... Андрей убит. Две недели назад...

– Как? – глупо спросила она.

– Убит. В одной ближневосточной стране... Больше я ничего не могу вам сказать. Извините...

Через несколько лет она вышла замуж, выпустила первый театральный курс и в том же году набрала следующий. Отпраздновав сорокапятилетие, она как-то в одночасье сдала, состарилась, перестала следить за собой, тратясь без остатка на нищих, вечно голодных студентов, приглашая их домой для дополнительных занятий, подкармливая и незаметно опуская деньги в карманы пижонских курточек. Студенты считали ее немного блаженной и ласково-снисходительно называли Женевьевой. Восторгаясь ее былой популярностью, рассматривая фотографии первых ролей, где она была необычайно, вызывающе хороша собой, они не находили оправдания ее нынешнему образу жизни. По-юношески жестокие и тщеславные, они не понимали, как можно довести себя до такого запустения, и были уверены, что сами проживут до конца яркую и насыщенную событиями жизнь.

Смирясь с отношением к себе окружающих, она не обижалась и ничего не пыталась противопоставить, искренне полагая прожитую жизнь ровной и обыкновенной.

Что было в ее жизни? Кино, театр, роли. Удачные и неудачные. Чаще никакие. Ежегодные фестивали в Гатчине, которые бессменно открывала и закрывала она одна. Муж, второй, третий. Дочь. Детство с купанием в Днепре, гидропарком, отцом, затянутым в портупею, серьезным и трогательным одновременно. Студенты...

В ее жизни было все. И ничего.

Она познала славу и успех, была боготворима, никогда не испытывала нужды. Но ее жизнь была лишена взлетов и падений, она не плакала над ролями, не бродила ночами по пустынным улицам. Неприкаянно, куда глаза глядят...

Она была настолько равнодушна к собственной жизни, до такой степени избыла себя в ней, что могла с легкостью сбросить

одежду, надеть глухое черное платье и уйти в монастырь. Могла прийти на кладбище, опуститься между могил и остаться среди них навсегда.

Она могла как угодно распорядиться своей жизнью, если бы не обдуваемый ветрами пятачок у цирка Чинизелли, возле которого она несколько раз в году останавливала машину и часами сидела в салоне, вспоминая тот смиренный июльский вечер с удушьем перед надвигающейся грозой, его руки, которыми он обнял и прижал ее к себе, горячее прикосновение губ.

Вспоминала свою скованность, и отчаяние, и ощущение обрывающего сердце полета, и твердь земли под ногами.

Сколько это длилось? Минуту, две, пять. Теперь она знала: всю жизнь. Потому что больше ничего не было в ее жизни.

И вот еще в чем она никогда и никому не решилась бы признаться: каждый раз, останавливаясь у цирка Чинизелли, она издалека высматривала фасад дома напротив и сталактиты водосточных труб на фасаде, втайне надеясь увидеть привязанного к трубе и вывалившего огромный розовый язык алабая – единственного свидетеля ее счастья...

Об авторе: СЕРГЕЙ ГОВОРУХИН

(1961-2011)

Родился в Харькове, в семье режиссёра Станислава Говорухина и актрисы Юноны Ильиничны Каревой. Детство и юность провёл в Казани. В 1988 окончил сценарный факультет ВГИКа. Работал сварщиком, монтажником, строителем на Крайнем Севере, прорабом.

С 1994 по 2005 годы в качестве военного корреспондента принимал участие в боевых действиях на территории Таджикистана, Чечни, Афганистана и Югославии. Участвовал в 20 боевых и трёх специальных операциях. Удостоен нескольких боевых наград (в том числе Ордена Мужества и Медали «За отвагу»).

В 1994 году приступил к съёмкам фильма о современных войнах в

России. В феврале 1995 года при возвращении со съёмок был обстрелян чеченскими боевиками в Грозном и получил ранение, приведшее к ампутации ноги. Дебютировал художественно-публицистическим фильмом «Прокляты и забыты» (1997). Также был сценаристом, режиссёром и продюсером фильмов «Сочинение на уходящую тему» (2001), «Никто, кроме нас» (2008) и «Земля людей» (2011).

В 1996 году создал Региональную общественную организацию ветеранов-инвалидов межрегиональных конфликтов в Таджикистане и Чечне. Занимал пост председателя фонда ветеранов и инвалидов вооружённых конфликтов «Рокада». Являлся членом Союза писателей и Союза кинематографистов России.

Автор сборников прозы «Мутный материк» (1991), «Никто, кроме нас...» (2004), «Со мной и без меня» (2008, 2012), «Прозрачные леса под Люксембургом» (2010).

Скончался 27 октября 2011 года от инсульта. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве. Neкаýalar